

ОТЕЧЕСТВО И КУЛЬТУРА

Неделя. 1990. 12-18 марта. (N 11). - с. 20.

16 марта 1990 года исполняется сто лет со дня рождения замечательного актера, режиссера, общественного деятеля, народного артиста СССР Соломона Михайловича Михоэлса. Событие это отмечается теперь у нас в стране очень широко, и в день юбилея состоится торжественный вечер в помещении Драматического театра на Малой Бронной, там, где раньше играл Государственный Еврейский театр, с которым связана была вся жизнь Михоэлса. Мы предлагаем вашему вниманию воспоминания народного артиста СССР Ивана Семеновича Козловского, посвященные памяти его друга, и очерк Осипа Эмильевича Мандельштама, написанный в 1926 году и с тех пор нигде не публиковавшийся.

Иван Козловский:

ВОСПОМИНАНИЯ
О ДРУГЕ

● С. Михоэлс (слева) и И. Козловский.

ВОСХИЩАЛСЯ, восхищаюсь и сейчас высокой настроенностью его мысли, актерским мастерством и гражданственностью.

Ясен ли Михоэлс в своем творчестве?

Ясен в своем направлении, но не до конца. Конца в творчестве не бы-

вает. Бывают остановки — вынужденные или по требованию.

Мне вот, например, кажется, что, играя только в национальном театре, уделяя ему так много труда, Михоэлс обкрадывал самого себя как актер и тем самым обеднял общую нашу культуру.

В конце тридцатых я спросил его, как бы он отнесся к тому, чтобы поставить или принять участие в постановке оперы Стравинского «Царь Эдип». Речь шла о спектакле Ансамбля оперы, где преследовалась цель абсолютно экономного, аскетического оформления. Режиссерской пышности не могло быть места. Понятно, нам нужен был режиссер не «разводящий», а — мыслитель. Подумавши, он воскликнул: «Это моя мечта!» И тут же последовал пламенный монолог о неблагоустроенности судеб человеческих на земле и о том, что еще Софокл об этом печалился...

Замечательно новое и необычное толкование предлагал Михоэлс образу Пимена в опере «Борис Годунов». Он в отличие от привычной традиции мысленно представлял себе Пимена молодым, полным огня, страстным, а не седобородым патриархом. Как известно, и Всеволод Мейерхольд в свое время предполагал показать Пимена в расцвете сил, а не глубоким старцем...

Говорю сейчас об этом потому, что, когда мы беседовали с Михоэлсом, мысль его всегда была смела, всегда вела к совершенно новым осмыслениям образов, казалось, раз и навсегда закрепленных в их традиционном видении.

Искусство нужно показывать. И великая горечь возникает при мысли, что не показали мы «Царя Эдипа», не показали ни «Китежа», ни «Бориса», ни «Орестею», ни «Нос» Шостаковича, ни ораторию «Вавилонское столпотворение». И в этом наша вина, что мы не любознательны, не настойчивы, лишаем себя во многих случаях нового прочтения, нового открытия и понимания классики.

Однажды я сказал Михоэлсу:

— А почему бы тебе не сыграть в гоголевском спектакле, в оригинале, в «Ревизоре»?

— Мечтаю, — ответил он, — и раньше мечтал и буду мечтать. А вот сыграю ли, не знаю.

Я спросил: «А кого бы ты хотел сыграть?»

— Всех, — ответил Михоэлс.

Я сожалел и сожалею, что он не сказал своего слова как исполнитель Гоголя и

Островского в оригинале. А ведь он мечтал об этом, хотя иронизировал, обыгрывая шуткой внешний свой облик. Но чувствовал одновременно жгучее желание донести до зрителей любимые гоголевские образы в его собственном михоэлсовском понимании и воплощении.

Многие хорошо знают блистательные способности Соломона Михайловича Михоэлса — мима и танцора, — и все же всех поразили однажды ритмичность и музыкальность его выступления в Большом театре на юбилее Л. Собинова.

Не сказать ни одного слова, а только напевать один старинный мотив, этой мелодией задавать вопросы Зускину, своему постоянному партнеру, отвечать, выражать свое удивление, что они оба — в Большом театре, удивляться бархату и золоту, извиняться за свой костюм — лапсердак и ермолочку... Это было так выразительно и так понятно!..

Характер Михоэлса был доброжелательный, в общении с людьми — терпеливый. Только налет сановности всегда его сдерживал и отпугивал. В компании он был всегда интересен. И даже невероятный сатанинский свист, которым он пугал детей, и тот был выразительным проявлением буйной силы, темперамента и размаха.

В войну, в Куйбышеве, у меня на квартире, в обществе Алексея Толстого, Шостаковича, Альтшулера, он был грустен, трагичен, — и это все звучало в его песнях. Но тут же он блистательно изображал с Толстым мимическую сцену двух плотников, — конечно, под соответствующую музыку и при нашем старательном участии. Позже, в Ташкенте, они выступали с этим номером в открытом концерте перед многотысячной аудиторией и потрясали своим юмором.

Опишет ли кто-либо вечера у Михоэлса? Его яркую любовь и дружбу с Анастасией Павловной Потоцкой? Буйную натуру Михоэлса можно было утихомирить одним: «А что скажет Ася?»

Кто опишет круг тех людей, бесед, тех «проделок» и глубоких мыслей, которые нас всех объединяли? На этих вечерах при свечах «выступали» Алексей Алексеевич Игнатъев, Алексей Толстой, Юрий Завадский, Рубен Симонов, Павел Марков, Сергей Образцов и Ираклий Андроников, они проявляли свой талант, юмор, изобретательность и прежде всего ум и не менее ценное качество — умение слушать...

Я не пишу о гражданственности Михоэлса вообще и в годы войны в особенности, этот вопрос освещался и освещается в печати...

Но был я на том печальном месте, где он погиб, и по древнему обычаю оставил там серебряную монету. Был я, и когда прощались с ним, лежащим на смертном одре. Звучала музыка Бетховена на слова Гёте «Кто мне скажет, кто сочтет, сколько жизни мне осталось?»

Трагичным он был в искусстве, трагедия всколыхнул и своей смертью. Но духовное его значение и величие живут. И жизнь его в искусстве — пример и для грядущих поколений.